

Жан-Мишель Вильмотт: «У русских сильный характер» | Jean-Michel Wilmotte : «Les Russes ont un caractère fort»

Auteur: Надежда Сикорская, [Париж - Женева](#) , 29.03.2017.

Жан-Мишель Вильмотт (© Jean Grisoni)

Наш сегодняшний гость – архитектор, автор нашумевшего проекта Русского культурно-духовного центра, открытого прошлой осенью в Париже.

Notre invité d'aujourd'hui est l'architecte, auteur du très médiatisé projet du Centre culturelle et orthodoxe russe inauguré à Paris en automne 2016.

Jean-Michel Wilmotte : «Les Russes ont un caractère fort»

В парижском архитектурном бюро Wilmotte et Associés работает около двухсот человек, ведущих одновременно около ста проектов на четырех континентах: одни разрабатываются, другие находятся в разгаре, третьи близятся к завершению. Большую часть своего времени сам Жан-Мишель проводит в самолетах. Узнав, что он на 24 часа заедет в Женеву, где его «подпись» стоит на бывшей вилле [Ролана Пети](#) в Колоньи и новом Центре искусств в Международной школе, мы решили не упустить возможности поговорить с ним о его последнем «русском» проекте. И не упустили.

Наша Газета: Когда Вы решили стать архитектором?

Жан-Мишель Вильмонт: Лет в 14. Я мечтал реставрировать, восстанавливать прекрасные здания. Тогда мне казалось, что это очень свободная профессия!

А потом Ваше мнение изменилось?

Потом я столкнулся с реальностью, со всеми ограничениями, определяемыми и конкретным заказчиком, и современным обществом в целом. В первом случае это, конечно, бюджет, плюс личное видение и вкус. А во втором, например, экологические нормы, высокие требования к эзоляции - тридцать лет назад об этом никто не думал. Плюс современные технологии, пользоваться которыми стремятся - и справедливо! - все. Однако я не только не жалею, а наоборот, считаю, что ограничения - это вызов для архитектора, они вынуждают проявлять гибкость и творческий подход, не поступаясь при этом собственными профессиональными принципами.

Россия занимает сегодня значительное место в Вашей профессиональной деятельности. А с чего все началось?

Как ни странно, первым моим русским проектом стали декорации к балету «Пиковая дама» в Большом театре, в постановке Ролана Пети. Это был и мой первый визит в Россию, как раз накануне закрытия театра на ремонт. За этим последовало приглашение оформить московский магазин Cartier. Тогда я познакомился с целым рядом людей, некоторые из которых занимали важные должности. Я начал получать другие предложения.

Центр искусств Женевской Международной школы (© Wilmotte & Associés)

В 2013 году Вы выиграли конкурс «Большая Москва». А что с ним стало? Что-то о нем не слышно.

Этот проект – отражение стратегии московского правительства, претворяемой в жизнь поэтапно. «Большая Москва» - это огромное расширение города, на 170 тысяч гектаров. Мы же в нашем предложении сконцентрировали внимание на уже имеющихся, но неиспользуемых, заваленных металлоломом городских площадях – речь идет о десятках миллионах квадратных метров. Видимо, наш подход понравился.

Далее мы работали над проектом МКАД, призванным увеличить два опоясывающих Москву «кольца». Что интересовало власти? Чтобы для попадания из одного аэропорта в другой автомобилистам не надо было пересекать город – это значительно облегчило бы перенасыщенный московский трафик.

Если я не ошибаюсь, сейчас вообще обсуждается возможность пересмотра всей инфраструктуры московского общественного транспорта.

Да, стоит задача сделать его более «гуманным» - чтобы люди не тратили по два часа на дорогу на работу, чтобы он как-то сочетался с окружающей природой, с архитектурой.

Занимаетесь ли Вы в рамках проекта «Большая Москва» каким-то конкретным участком?

Нам предстоит работать над реставрацией Курского вокзала – самого активного в Москве, ежедневно через него проходят около 800 тысяч пассажиров. Будет еще несколько проектов, которые пока находятся на стадии развития.

Центр искусств Женевской Международной школы (© Wilmotte & Associés)

Совсем недавно было объявлено о решении, уже утвержденном президентом Путиным, снести многочисленные старые жилые дома, знаменитые пятиэтажки. Как Вы это прокомментируете?

Некоторые из них объективно уродливы, так что и снести не жалко. Остальные можно отремонтировать. Но вообще, мне кажется, президент Путин прав – пора перевернуть страницу. Прав он и в стремлении переселить людей, но оставить их в городе – не стоит превращать Москву в пустыню, как Санкт-Петербург.

Ваше имя упоминается также в связи с реставрацией Европейского университета в Санкт-Петербурге, располагающегося в историческом здании Мраморного дворца. Как там продвигаются дела?

Проект готов к запуску. Совсем недавно мы встречались по этому поводу с ректором университета. Осталось утрясти некоторые административные детали.

Жан-Мишель Вильмтт (© Leo Paul Ridet)

Ваши проекты на интересующей меня территории не ограничиваются Россией. Вы работали в Баку, в Киеве...

Совершенно верно. В Баку, очень красивом городе, к Европейским играм 2015 года мы сделали экопарк, который должен был «обрасти» жилыми кварталами. Я думаю, это будет со временем сделано, но пока в проекте взята пауза – из-за падения цен на нефть градостроительная активность немного уменьшилась.

Похожая ситуация в Киеве – много проектов находятся «в ожидании». Например, реставрация «Арсенала».

Думаю, я не ошибусь, если скажу, что самый крупный «русский проект», с которым сейчас ассоциируется Ваше имя, это открытый прошлой осенью в Париже Русский культурно-духовный, или православный, центр. Возможно, Вы знаете, что отношение к этой постройке в России не однозначное, как и к роли церкви в современном российском обществе. Вас это как-то касается?

Тут затронут вопрос геополитики. Не просто так Россия, в разгар практически новой холодной войны, выстраивает в центре Парижа такое здание, ставшее неотъемлемой частью ландшафта французской столицы. Понятно, что для России этот проект имел большое значение. Но удивительно, как положительно к нему отнеслись сами французы.

Разве? Мне казалось, что это был довольно долгий процесс, в котором оказались задействованными два президента Франции и маленькая армия министров.

Нет-нет, разрешение на строительство было получено за три месяца. А теперь, когда проект завершен, я получаю от парижан массу комплиментов. Мне жаль, что президент Путин не приехал на открытие – президент Олланд повел себя тогда не самым элегантным образом.

Многие находят, что это сооружение, прозванное «бункер с куполами», отражает суть сегодняшней российской власти – слияние ФСБ и церкви.

В Париже никто об этом не задумывался.

Но Вы-то, знающий Россию, не могли не задумываться?

На мой взгляд, это элегантный след России в Париже, очень красивое место. Парижан больше интересует эстетическая сторона, чем религиозная. Мне кажется, здание отлично вписалось в парижскую архитектуру, при строительстве использовались местные материалы, а пять матовых золотых куполов – да, это православный символ, к которому все относятся с уважением. Я не вижу никакой связи между властью и церковью. Россия просто удачно воспользовалась подходящим моментом – в Париже нужна была православная церковь, наравне с церковью американской, с мечетью и так далее.

Но в Париже уже есть русская церковь – на рю Дарю.

Она слишком маленькая! На набережной Сены расположены Институт Арабского мира, Дом Японии, множество других организаций. Русский центр занял среди них достойное место – как посольство русской культуры. Никаких протестов со стороны жителей Парижа не было.

Критика в адрес нового Центра связана еще и с тем, что, по мнению некоторых, у России есть более приоритетные проекты, требующие столь крупных финансовых вложений – особенно в момент финансового кризиса, связанного с санкциями.

Проект был начат до введения санкций. Но то, что он был доведен до конца, только доказывает, какой у русских сильный характер. Некоторые из наших партнеров оказались в «черном списке», но отнеслись к этому спокойно, мы нашли другие возможности общаться. А что касается расходов – это капля по сравнению с тем, что было потрачено на Олимпийские игры в Сочи. Да и вообще, в масштабах России – это ерунда!

Русский культурно-духовный центр в Париже (© Wilmotte & Associés)

В начале нашей беседы мы говорили о свободе в профессии архитектора. Насколько свободны Вы были при реализации этого проекта? Насколько

«вмешивался» заказчик?

Я был свободен. Единственное наше разногласие было связано с тем, что я запланировал одну деталь – стеклянные купола, - которая, как выяснилось, не соответствовала канонам православия. Мы заменили их на золотые, и проблема была решена.

Я как раз хотела Вас спросить: построить здание с религиозной, духовной коннотацией - не то же самое, что просто жилой дом. Удели ли Вы время изучению истории православия, его архитектурных традиций?

Да, конечно. Вообще, я интересовался историей православия еще до того, как был объявлен этот конкурс, а два года назад даже прошел по Москве на Пасху с Крестным ходом. Я видел, какие эмоции вызывала эта процессия у людей.

Но матовые купола - как раз не в традициях русских церквей.

Я знаю, это я их выбрал. Купола сделаны из смеси 24-каратного золота и палладия, который и придает им матовость. И элегантность. Такие купола на православном храме – премьера. Этот материал был сделан в том же ателье, где был сооружен знаменитый «солнечный самолет» [Бертрана Пикара](#).

Судя по всему, сами Вы результатом довольны?

Очень. И надеюсь, что в этом здании всегда будут люди.

От редакции: В настоящее время Жан-Мишель Вильмотт работает над проектом роскошного жилого комплекса на острове Маврикий, о котором вы сможете прочитать в следующем выпуске нашего печатного приложения – кстати, сейчас самое время на него [подписаться!](#)

[памятники культуры](#)

[Надежда Сикорская](#)

Nadia Sikorsky

Rédactrice, NashaGazeta.ch

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/zhan-mishel-vilmott-u-russkih-silny-y-harakter>